

Замысел и воплощение

КОГДА Достоевский был на каторгу, его поразил в толпе арестантов один «отцеубийца из дворян», сохранявший неизменное спокойствие и жизнерадостность, несмотря на всю тяжесть свершенного им преступления. Это был подпоручик Ильинский, оставленный военным судом только «под сильным подозрением» в убийстве старика-отца, но по «высочайшей» резолюции приговоренный к 20 годам каторжных работ.

Достоевский рассказал об этом преступнике в первых же главах «Записок из Мертвого дома». Когда они появились в печати, он получил из Сибири письмо, извещающее его, что сосланный офицер был осужден по ошибке. Отцеубийство совершил его младший брат, который через десять лет во всем официально сознался. Неповинного каторжника освободили, а брат-предатель был заключен в острог.

«Нечего распространяться о всей глубине трагического в этом факте загубленной еще смолodu жизни под таким ужасным обвинением», — заканчивал свое сообщение Достоевский.

Эту беспримерную глубину трагического он решил воплотить в романе. Но он приступил к нему только на склоне лет и закончил его лишь накануне смерти. К этому времени замысел необычайно обогатился раздумьями романиста о судьбах его родины, освобожденной от крепостничества, но опутанной

новыми цепями торжествующего капитализма.

Так создавались «Братья Карамазовы». По глубине замысла, по богатству проблематики, по яркости образов, по остроте сюжета, по силе звучания социальных мотивов это едва ли не сильнейшее создание Достоевского, заслужившее по праву всемирное признание.

Не удивительно, что роман вскоре перешел на сцену и вызвал к жизни ряд незабы-

«Братья Карамазовы» на сцене МХАТ

ваемых спектаклей. Их традицию продолжает и новая постановка МХАТ «Братья Карамазовы», созданная в основном Б. Ливановым, который наново инсценировал роман, взял на себя его главную режиссуру и выступил в центральной роли Дмитрия.

Это большой труд, заслуживающий в целом благодарной оценки. Но при огромной сложности задачи не все трудности ее решения оказались преодоленными.

Композиция нового текста драмы хороша по своей ясности, сосредоточенности и удачному охвату главнейших моментов фабулы. Огромная эпопея сведена в основном к уголовной истории Дмитрия Карамазова, в которую вступают постепенно все члены «одной семьи». В пьесе звучат и некоторые философские вопросы, волнующие героев Достоевского.

Выразительны сценические портреты главных персонажей. Широкой кистью и сочными мазками рисует Б. Ливанов образ беспутного поручика с благородной, возвышенной душой. С блеском переданы характерные черты непосредственности, импульсивности, страстности этой прямой и честной натуры, не совладавшей со своими бурными порывами. «Исповедь горячего сердца» волнует и трогает. Жаль только, что из нее выпали знаменитые строфы Шиллера об унижении человека и будущей всемирной радости, которые сквозят рыдания рвутся из груди Мити.

Следовало сохранить в тексте роли и знаменитое видение погорелой деревни с голодающими крестьянскими детьми. Ведь трагедия Мити неизмеримо глубже и шире его любовной драмы. Ведь в самый страшный час своей судьбы он возглашает славу своей святыне — России!

Молодого блестящего мыслителя, вовлеченного жизнью в страшное преступление, — Ивана Карамазова — изображает Б. Смирнов со свойственным ему обаянием. На высоком драматическом уровне выдержаны сцены бунта и сумасшествия. Но артисту, к сожалению, не хватает текста для раскрытия во всем масштабе образа этого русского Прометея или русского Фауста, как назвал его А. В. Луначарский.

Наиболее близок к стилю Достоевского Федор Карамазов в исполнении М. Прудкина. Артисту удалось очень

тонко раскрыть отталкивающую натуру изощренного сладострастника, не лишенного некоторой внешней цивилизованности. Сцена дискуссии за коньячком доведена на исполнителем до такой острой выразительности, что остается одним из самых запоминающихся моментов всего спектакля.

Сложный и трудный образ Смердякова тонко разработан В. Грибковым в сцене домашнего диспута. Изощренная и коварнейшая умственная игра при внешних претензиях на высшую образованность здесь показана мастерски.

Но в последней беседе с

Иваном этот тон недостаточен. Необходимо показать катастрофическую эволюцию образа: Смердяков уже совершил тяжчайшее преступление и в ужасе отступил от своего «вдохновителя». Отцеубийца вершит беспощадный суд над обанкротившимся мыслителем и над самим собою. Он сейчас повесится. Необходимо было показать со всей силой эту страшную душевную опустошенность двух братьев в грозный час расплаты за их преступление.

Таковы главные лица новой инсценировки. Ряд отступлений от романа имеется и в отдельных картинах. Кутеж в Мокром слишком бла-

гопристоен. На сцене это чинный оперный хоровод, у Достоевского «почти оргия», «бред», страшный загул с разнузданными песнями и циничными плясками. Это исторический документ, а не эстрадный дивертисмент. От ужаса российской деревни эпохи «великих реформ» Достоевский и стремился вывести свой народ на дорогу справедливости и счастья. Это большая общественная тема его последнего романа, которая должна явственно прозвучать со сцены. Он мог ошибаться в путях, но цель он видел ясно.

Нужно ли было сохранять польские типы в Мокром? Ведь это большая моральная ошибка Достоевского, осужденная уже передовой публицистикой 80-х годов. Из романа, откуда столько выброшено, надо было удалить и этот реакционный эпизод, резко противоречащий нашему отношению к национальному вопросу.

Талантливый художник А. Гончаров в духе всего спектакля создает свои варианты к Достоевскому и отсту-

пает от его прямых указаний. В келье старца голые выбеленные стены, хотя в романе они украшены народными русскими литографиями и ценными копиями с живописи великих итальянцев эпохи Возрождения, что свидетельствует об эстетическом воспитании Алеши. Семейство Карамазовых собирается в каком-то салоне, хотя обветшалое жилище Федора Павловича представляет собой жуткий лабиринт комнатушек.

Сценическое воплощение бессмертных типов Достоевского требует предельной глубины истолкования, мощной лепки характеров (в том числе и женских) и совершенного овладения искусством трагического. В этих направлениях спектаклю МХАТ еще предстоит дальнейший рост.

Л. Гроссман,
доктор филологических наук.

НА СНИМКЕ: артист Н. АЛЕКСЕЕВ в роли Алеши Карамазова и народный артист СССР Б. ЛИВАНОВ в роли Дмитрия Карамазова.

Фото А. ГЛАДШТЕЙНА.

ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА 3 стр.

6 МАЯ 1960 ГОДА